

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Бубликов В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015
E-mail: v.bublikov@mail.ru

РУССКО-УКРАИНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ С УКРАИНОЙ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИЛИ ПЕРЕХОДНАЯ ГРУППА?

Рассматриваются генезис и потенциал воспроизводства биэтнической русско-украинской группы населения в российско-украинском пограничье. Первая часть статьи представляет собой обзор исследований полиэтничных групп, включая русско-украинскую. Вторая часть статьи основана на эмпирических, этносоциологических исследованиях автора и посвящена нахождению ответа на вопрос: является ли население с двойной русско-украинской идентичностью самостоятельным, перманентно существующим этнокультурным сообществом или же это переходная группа, временно возникшая в процессе ассимиляции украинцев России. Исследования свидетельствуют, что русско-украинское население имеет потенциал демографического воспроизводства и по большинству параметров может считаться самостоятельной этнокультурной группой.

Ключевые слова: *биэтничность, множественная этническая идентичность, русско-украинское население, русские, украинцы, приграничные регионы.*

Постановка исследовательской проблемы

Постепенный отход отечественных этнологов и этносоциологов от примордиалистских взглядов на природу и содержание этнической идентичности в пользу более «гибких» концепций и подходов (инструментализм, конструктивизм) актуализировал и исследования смешанных этнокультурных сообществ, возникших и существующих «на стыке» двух этногрупп. Как пишут В.А. Тишков и Э.Ф. Кисриев, «доминирующая в российской науке и в общественно-политической практике эссенциалистская трактовка этничности как свойства строгой группы с эксклюзивным членством уже давно пришла в противоречие с культурным разнообразием, идентификационными сложностями, этнической динамикой и подвижностью» [2007, с. 96].

Несмотря на отсутствие статистических сведений о количественном распространении множественных (чаще двойных, но иногда и тройных и т.д.) этноидентичностей, косвенные данные переписей населения позволяют экспертам оценивать численность жителей России с множественной этничностью в 12–15 % [Степанов, 2019, с. 152], а это около 20 млн чел.

В последние годы интерес к исследованию «гибридных» этносообществ растет. В частности, В.С. Курске выполнено исследование множественной идентичности российских (русских) немцев [2011]. Е.Э. Штейн исследовала формирование этнической самоидентификации в русско-еврейских семьях [2005]. Д.А. Функ описал формирование новых идентичностей у бачатских телеутов [1999]. Появилось несколько работ о специфике идентичности в этнически смешанных семьях [Мухаметзянова, 2011; Сикевич, Поссель, 2019]. Есть исследования о развитии множественной этноидентичности в отдельных регионах России [Тишков, Кисриев, 2007; Гибкие этничности..., 2017; Бойко и др., 2021].

В этом ряду группа русско-украинского населения является интересным объектом исследования полиэтничности, прежде всего ввиду ее многочисленности и представленности практически во всех регионах России. Массовое участие украинцев (черкас, малороссов, «хохлов») в заселении обширных пространств России в XVII–XX вв. привело к формированию значительной группы населения, имеющей смешанную русско-украинскую идентичность (вследствие как ассимиляции украинцев, так и появления потомства в русско-украинских семьях). Актуализирует потребность в исследовании русско-украинского населения и конфликтность в двусторонних взаимоотношениях России и Украины последних лет, которая наверняка отразилась и на самоидентификации этой группы населения.

Данные последних переписей населения показали более чем двукратное сокращение численности украинского населения России в период 1989–2010 гг. (с 4,4 до 1,9 млн чел.), причем

без каких-либо демографических или миграционных предпосылок столь масштабного изменения. Еще более «удивительна» статистика динамики численности русских и украинцев на региональном уровне. Например, на территории Белгородской области численность жителей, назвавших себя украинцами при переписях, составляла: в 1926 г. — 683 тыс. чел., в 1939 г. — 170 тыс., в 1989 г. — 75 тыс., в 2010 г. — 42 тыс.; в то же время практически пропорционально росла численность жителей, записавшихся русскими (рассчитано автором по: [Всесоюзная перепись населения 1926..., 1928; Демоскоп Weekly...]). Эти цифры свидетельствуют, что изменения в численном соотношении русского и украинского населения в России (особенно в этноконтактных зонах русско-украинского пограничья) прежде всего определяются особенностями идентификации на том или ином историческом этапе. То есть, жители демонстрируют инструментальность своего поведения при выборе этнической идентичности.

На наш взгляд, трактовать «переход» большинства российских украинцев в состав русских упрощенно, как некий линейный процесс естественной ассимиляции, нельзя. Вряд ли один и тот же человек, указывающий разные «национальности» при переписях населения, может так быстро изменить свою реальную этническую идентичность. Большую роль здесь играют и процессы отождествления терминов *российский* и *русский* после распада СССР, особенно в приграничных регионах и за пределами национальных республик РФ. Например, при опросе 2019 г., проведенном по методике Сети этномониторинга и Института этнологии и антропологии РАН, в ответ на вопрос «В переписи спрашивают о национальности и записывают именно так, как человек желает себя определить. По Вашему мнению, национальность — это гражданство или принадлежность к народу?» в Белгородской области 32 % респондентов выбрали вариант «гражданство», в то время как в среднем в регионах России число респондентов, выбравших этот вариант ответа, составляет 20,5 % [Степанов, 2019, с. 142].

Многие исследователи (Т.А. Листова, В.В. Степанов, С.Я. Суций и др.) считают, что этническая идентичность населения, ранее официально называвшего себя «украинцами», а ныне — «русскими», значительно более сложная и неоднозначная. Еще в 1980-х гг. Л.Н. Чижикова отмечала: «Национальное самосознание в среде разноэтничных групп изучаемой этноконтактной зоны (русско-украинского пограничья. — В. Б.), как и во многих других районах с национально-смешанным населением, динамично и изменчиво» [1988, с. 61].

В реальности процессы взаимного культурного влияния, «смешения» посредством межэтнических браков породили не фиксируемое до настоящего времени статистикой этнокультурное сообщество — группу населения с двойной русско-украинской идентичностью, которая, как мы предполагаем, составляет не менее нескольких миллионов россиян, «вынужденных» при переписях населения «выбирать» одну этноидентичность. Как пишет В.В. Степанов, именно из-за невозможности фиксации множественной этничности в переписях населения, «в России статистически стало меньше украинцев и белорусов, хотя они не “исчезли”. <...> Перепись как бы забежала вперед, отражая факт этнической ассимиляции представителей этих и ряда других групп, хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно» [2018, с. 68].

Еще более категоричен в оценке достоверности данных переписей населения о «национальном» составе ряда регионов России В.Я. Суций, который пишет: «В регионах со сложной этнической структурой, тем более в таких, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими народами, а также их многочисленным смешанным потомством, вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину, поскольку весомая (иногда даже количественно доминирующая) группа “смешанного” населения во время переписи ставится перед жестким выбором одного из двух, по сути, равноценных ответов. И предпочтение, как правило, является конъюнктурным, определяется привходящими обстоятельствами, не имеющими отношения к реальной этнической самоидентификации» [2017, с. 66–67].

Тенденции широкого распространения двойной русско-украинской идентичности фиксируются и по ту сторону российско-украинской границы. Так, по оценке И.В. Митрофановой и С.Я. Суцего, доля биэтничного населения в Украине в 2013 г. составляла 30–32 %, увеличившись с 23 % в 2001 г. Кроме того, они прогнозируют и дальнейший численный рост этой группы при сокращении «чисто» русского населения Украины. «По мере ухода из жизни старших (более этнически чистых) возрастных поколений русских и пополнения все более смешанными поколениями молодежи общий уровень биэтничности русского населения Украины должен неуклонно возрастать» [Митрофанова, Суций, 2017, с. 50–51].

Таким образом, в ситуации сохранения прежнего, консервативного подхода при учете этнической идентичности в переписях населения фактически единственным инструментом исследования «смешанных» групп населения остаются этнологические и этносоциологические исследования.

По всей видимости, количественно население с двойной русско-украинской идентичностью составляет наибольшую величину в районах совместного освоения и традиционного проживания русского и украинского населения: в приграничных с Украиной областях (Белгородской, Воронежской и др.), в районах сельскохозяйственной русско-украинской колонизации на юге Западной Сибири и Дальнего Востока, в регионах промышленно-сырьевого освоения Крайнего Севера. В частности, как показали авторские исследования 2017–2018 гг., ответ на вопрос «*Кем Вы себя считаете по национальности?*», с вариантами ответа: «*только русским*», «*только украинцем*», «*и русским, и украинцем одновременно*», «*представителем иной национальности (укажите)*», «*затрудняюсь ответить*», свидетельствует, что в Белгородской области двойную русско-украинскую идентичность имеют 16,2 % жителей, а в приграничных с Украиной районах это число составляет 22,7 % (по данным переписи 2010 г., доля русских в регионе составляла 94,4 %, украинцев — 2,8 % [Демоскоп Weekly...]).

Однако фиксация наличия значительной части населения с двойной этничностью на приграничных с Украиной российских территориях ставит новый фундаментальный вопрос. Является ли население с двойной русско-украинской идентичностью самостоятельным, перманентно существующим *этнокультурным сообществом* или же это *переходная группа*¹, временно возникшая в процессе ассимиляции украинцев России? В пользу первой версии ответа на этот фундаментальный вопрос свидетельствуют исследования ряда этнологов и этносоциологов (Т.А. Листовой, Н.В. Проскуриной и др.), показывающие устойчивое сохранение элементов украинской идентичности в местах проживания потомков украинских переселенцев и одновременное приобретение ими русской идентичности (прежде всего благодаря воздействию школы, массовой культуры и пр.). Т.А. Листова, в частности, пишет: «...можно говорить о формировании в течение более двух веков двойственности самосознания местных потомков украинцев, результатом чего стало их выделение в особую этнокультурную общность *хохлы* с одновременной самоидентификацией *русский*» [2016, с. 84–85]. Н.В. Проскурина считает: «Результатом длительного русско-украинского симбиоза на территории современной Воронежской области, на наш взгляд, можно считать образование самостоятельной субэтнической группы — «*хохлов*»» [2017, с. 97–98].

Вторую версию подтверждает неуклонное сокращение числа жителей, идентифицирующих себя украинцами в течение последнего столетия по данным переписей населения, а также сокращение украинского культурного компонента в идентичности жителей («обрусение» языка и пр.).

Теоретико-методологическая и эмпирическая базы исследования

Получить ответ на сформулированный выше вопрос, по нашему мнению, можно, предварительно ответив на ряд вопросов-маркеров, показывающих уровень устойчивости самосознания жителей с биетнической русско-украинской идентичностью:

1. Является ли группа с русско-украинской этноидентичностью автохтонной или, напротив, это преимущественно мигранты и их потомки?
2. Каков возрастной состав русско-украинского населения (сбалансированный, т.е. примерно соответствующей возрастной структуре всего населения, или наблюдается дисбаланс в пользу старших возрастных когорт)?
3. Каково этническое происхождение представителей этой группы (это сообщество — следствие ассимиляции украинцев или этнически смешанных браков)?
4. Как респонденты оценивают перспективы своего этносообщества (постепенное «обрусение» или сохранение биетничности)?
5. Какие факторы влияют на формирование этноидентичности: эндогенные (происхождение, воспитание) или экзогенные (окружающие люди, гражданство)?
6. Как воспринимаются населением с русско-украинской идентичностью жители по ту сторону госграницы (жители Украины): как представители той же этногруппы, что и они, или как представители другого народа?

¹ «Категория «переходные группы» была изобретена (в советское время. — В. Б.) для объяснений некоторых этнографических реальностей зарубежного мира, чтобы поместить в категорию иммигрантские сообщества, которые якобы пребывают в процессе неизбежной ассимиляции и, потеряв свою принадлежность к «материнскому этносу», еще не стали частью этноса или этносов страны пребывания» [Тишков, Кисриев, 2007, с. 96].

Соответственно наша гипотеза заключается в том, что если данная группа населения состоит преимущественно из автохтонов, со сбалансированным возрастным составом, происходящих от представителей обеих этногрупп (русских и украинцев), у которых преобладают эндогенные факторы формирования идентичности, сохраняется тесная этнокультурная связь с жителями Украины, а также они оптимистично смотрят на сохранение своей группы в будущем — то в таком случае, на наш взгляд, справедливо считать эту часть населения *отдельной этнокультурной группой*, многие (но далеко не все) представители которой идентифицируют себя с этнонимом *хохлы*. В противном случае — это скорее *переходная группа*, в процессе ассимиляции украинцев России, которая через несколько поколений «окончательно растворится» в составе русских.

В поисках ответов на обозначенные выше вопросы в 2018 г. нами было проведено социологическое исследования (анкетирование) в 10 приграничных районах и городских округах Белгородской области по разработанной авторской методике. Белгородская область граничит с тремя регионами Украины, а второй по величине украинский город — Харьков расположен всего в 70 км от Белгорода. Анкета для опроса респондентов, которыми стали совершеннолетние, постоянные жители территорий проведения исследования, была составлена следующим образом. Первые шесть базовых вопросов (пол, возрастная группа, длительность проживания, тип поселения, район/город проживания и этническая самоидентификация) задавались всем респондентам, участвовавшим в опросе вне зависимости от их этничности. Вопрос об этнической принадлежности (национальности) был «вопросом отсекающего», поскольку последующие вопросы задавались только тем респондентам, которые указали, что они считают себя «и русскими, и украинцами одновременно».

Выбор такой методики исследования был обусловлен необходимостью сопоставления по базовым половозрастным и миграционным параметрам русско-украинского населения с иными этническими группами (только русскими, украинцами и т.д.). Общее число респондентов, принявших участие в исследовании, составило 2060, из которых 500 — лица с двойной русско-украинской идентичностью. Поскольку выборка в разных муниципальных образованиях составляла разную долю от генеральной совокупности (в малочисленных муниципалитетах она была больше, в многочисленных — меньше), то в процессе обработки результатов опроса был проведен перерасчет относительной численности биэтничного населения для приграничных территорий в целом. То есть, доля русско-украинского населения в приграничных районах Белгородской области составляет не 24,3 % (500 респондентов из 2060), а 22,7 %.

Этнокультурное сообщество или переходная группа?

Полученные социологические результаты свидетельствуют, что группа жителей с русско-украинской идентичностью состоит преимущественно из автохтонов: 54,2 % указали, что они проживают в своей местности с рождения и их предки тоже оттуда, еще 4,8 % — что проживают на территории не с рождения, но их родители оттуда. То есть, 59 % представителей биэтничной группы являются «коренными» жителями; для сравнения: в группе назвавших себя «только русскими» таковых 69 %, а среди «только украинцев» — 11 % (рис. 1).

Кроме того, среди русско-украинского населения, в сравнении с «только русскими», выше доля приезжих из других стран (17,8 и 6,9 % соответственно), но ниже доля приезжих из других регионов РФ (12,8 и 14,5 %). Учитывая приграничный характер Белгородской области, отметим, что лица, фиксировавшиеся в анкете как «приезжие из других стран», — это прежде всего выходцы из соседних регионов Украины, которые часто в силу близости социокультурных особенностей (язык, менталитет, традиции и т.д.) не воспринимаются местным населением в качестве «приезжих». Как пишут С. Баринов с соавт.: «...местные жители почти не замечают приезжих украинцев (они не отличаются ни внешне, ни поговору), зато сразу отличают русских, приезжающих с севера России» [2009, с. 24].

Таким образом, по структуре своего миграционного происхождения население с русско-украинской идентичностью близко к основной массе населения, почти 2/3 из них автохтоны. Наблюдается лишь немногим более высокая доля мигрантов, но большинство из них — бывшие жители соседних регионов Украины, которые как сами не имеют идентичности «приезжих», так и чаще всего не воспринимаются таковыми местными жителями.

Группа населения, идентифицировавшая себя как «только украинцы», напротив, в подавляющем большинстве (71,4 %) состоит из мигрантов (в основном из Украины). Автохтонов среди украинцев всего 11 %, что свидетельствует о высокой степени ассимиляции (но чаще час-

тичной), т.е. принятия элементов русской идентичности. Иначе говоря, приезжие украинцы (даже из более отдаленных регионов Центральной и Западной Украины), как правило, с течением времени начинают идентифицировать себя и как русских, и как украинцев одновременно.

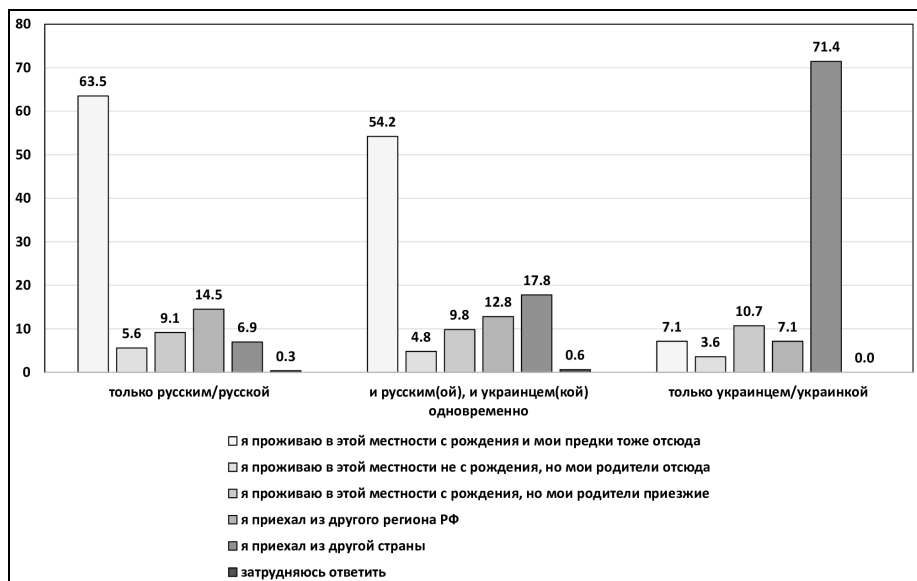

Рис. 1. Ответы респондентов с разной этноидентичностью на приграничных с Украиной территориях Белгородской области на вопрос «Как давно Вы проживаете в этой местности (регионе)?», в %.

Fig. 1. Answers of respondents with different ethnic identities in the territories of the Belgorod region bordering Ukraine with the question “How long have you been living in this area (region)?”, in %.

Возрастной состав биэтнического русско-украинского населения также находится «посередине», между «только русскими» и «только украинцами», и близок к возрастной структуре всего населения. Так, доля молодежи среди «только русских» составляет 29,2 %, среди русско-украинского населения — 28,2 %, а среди «только украинцев» — 25,0 %. Старшая возрастная группа, напротив, больше среди «только украинцев» — 42,9 %, среди русско-украинцев представителей старшей группы 38,4 %, среди «только русских» — 36,9 % (рис. 2).

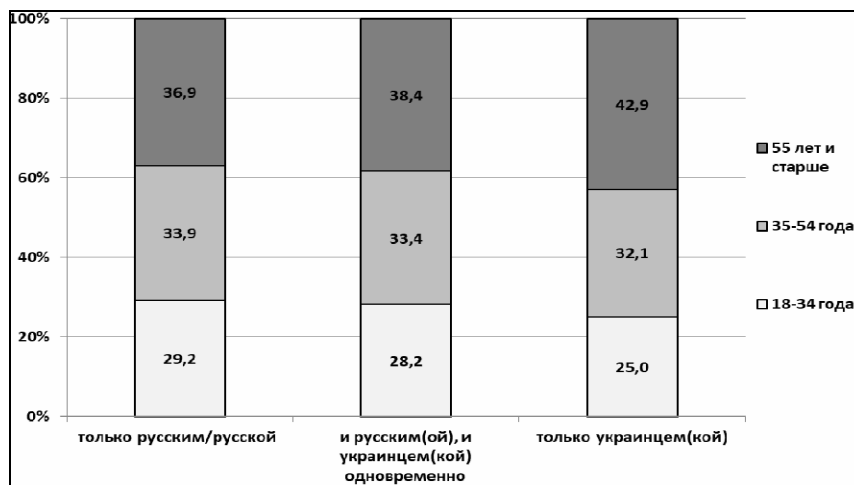

Рис. 2. Возрастной состав основных этнических групп населения приграничных с Украиной территорий Белгородской области, в %.

Fig. 2. The age composition of the main ethnic groups of the border regions of Ukraine with the Belgorod region, in %.

Русско-украинское население приграничных с Украиной территорий России...

То есть, возрастная структура жителей с множественной этноидентичностью примерно соответствует общей массе населения, что свидетельствует об определенной преемственности и естественном воспроизводстве русско-украинской группы населения.

Следующий аспект изучаемой темы — этнический генезис жителей с русско-украинской этничностью. В данном случае мы исходим из предположения, что если основная масса этого сообщества является украинцами по происхождению — то это скорее временная, переходная форма этноидентичности (от украинцев к русским). Если же большинство представителей этой группы имеют смешанное происхождение (среди предков были и русские, и украинцы) — то это показатель большей устойчивости этой группы, так как речь идет не о транзите идентичности, а о воспроизводстве элементов обеих идентичностей, присутствующих в родословной жителей.

С целью фиксации этнического происхождения представителей биетничной группы респондентам было предложено ответить на открытый вопрос (без вариантов ответа): «Если Вы знаете национальность своих предков, укажите эту национальность или несколько национальностей». Отсутствие предложенных вариантов ответа позволило максимально объективно зафиксировать «этническую палитру» происхождения представителей этой группы. Полученные ответы респондентов были сгруппированы в наиболее часто встречающиеся варианты (представлены в табл. 1). В таблице приводится распределение от числа ответивших на вопрос (4,8 % не ответили на вопрос). В случаях, когда представители какой-либо этногруппы упоминались один раз, они в совокупности фиксировались в категории «другая этногруппа».

Структура этнического происхождения жителей со смешанной русско-украинской идентичностью, как правило, довольно сложна. Почти 2/3 респондентов (65 %) указали несколько этнических групп, к которым принадлежали их предки, а 20 % указали представителей трех и более национальностей. Наиболее распространенный вариант происхождения — «русские + украинцы» (42 % опрошенных). Каждый пятый респондент помимо русских и украинцев имеет в своей родословной представителей иных этногрупп — чаще всего это поляки (4,2 %) и белорусы (4 %), еще 11,6 % кроме русских и украинцев разово указали представителей иных народов.

Таблица 1

Группы ответов респондентов с русско-украинской идентичностью на приграничных с Украиной территориях Белгородской области на вопрос: «Если Вы знаете национальность своих предков, укажите эту национальность или несколько национальностей»

Table 1

Response groups of respondents with Russian-Ukrainian identity in the territories of the Belgorod region bordering Ukraine with the question "If you know the nationality of your ancestors, indicate this nationality or several nationalities"

Варианты ответов респондентов	Доля указавших, %
Русские + украинцы	42,0
Украинцы	30,0
Русские + украинцы + другая этногруппа	19,8
в том числе русские + украинцы + поляки	4,2
в том числе русские + украинцы + белорусы	4,0
Русские	5,3
Украинцы + другая этногруппа	2,5
Русские + другая этногруппа	0,4
Всего	100,0

Доля респондентов, среди предков которых были только украинцы, не очень велика — 30 %. То есть, социологические данные свидетельствуют, что жители с русско-украинской этничностью, как правило, не приобретают эту идентичность вследствие ассимиляции украинцев, а наследуют ее от своих предков.

Более того, самый интересный социологический факт, который позволил выявить анализ этнического происхождения представителей русско-украинского населения, заключается в том, что 6 % от их общего числа не имеют среди своих предков украинцев вообще: 5,3 % указали русских, 0,4 % — русских и представителей иной этногруппы (табл. 1). Это значит, что явление русско-украинской этноидентичности, по крайней мере на приграничных с Украиной российских территориях, может присутствовать и в самосознании лиц «чисто» русского происхождения. Такие респонденты объясняют наличие у себя и украинской (в просторечии часто «хохляцкой») идентичности территориальной близостью Украины, влиянием ее культуры, наличием украин-

ских родственников и т.п. Например, в ходе проведения глубинных интервью в 2020 г. такие респонденты объясняли свою биэтничность так: *«Хохлушкой считаю, потому что мы рядом с Украиной, это неизбежно. Чем ближе к Украине, тем больше разговора украинского и поведения. Мы все равно отличаемся [от русских из центральной России]»* (жен., 1990 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл.).

Следовательно, явление ассимиляции социокультурной средой характерно не только для украинцев по происхождению, приобретающих элементы русской идентичности, но и для русских, которые, проживая в социокультурной среде, сохраняющей значительные элементы украинской культуры, отчасти заимствуют украинскую идентичность. Этот факт также свидетельствует в пользу понимания русско-украинской этничности не как временной, переходной, а как перманентной, самовоспроизводящейся.

Вместе с этим сами представители русско-украинского сообщества настроены скорее пессимистично относительно возможности воспроизводства их двойной идентичности. На вопрос *«К какой национальности относят себя Ваши дети, внуки (если у Вас нет детей или они еще маленькие, то, как Вы думаете, кем они будут считать себя по национальности в будущем)?»* лишь 19,0 % ответили, что их потомки будут также считать себя «и русскими, и украинцами одновременно». Почти 2/3 респондентов (63,8 %) полагают, что их дети будут считать себя русскими и лишь 9,8 % — украинцами (еще 7,4 % затруднились ответить).

Эти данные безусловно свидетельствуют о постепенной «эрозии» смешанной идентичности и ее трансформации в идентичность только русскую. Однако для части респондентов вопрос об идентичности их потомков был гипотетическим (молодежь), и, кроме того, респонденты могли трактовать данный вопрос как вопрос об одной, «официальной» этничности, ведь 80,4 % опрошенных нами лиц сами записаны в документах или последней переписи русскими.

Следующий фактор, с помощью которого мы выявляем потенциал воспроизводства группы населения с русско-украинской идентичностью, — это оценка респондентами значимости эндогенных и экзогенных факторов, влияющих, по их мнению, на этничность человека. Мы исходим из предположения, что в случае преобладания внутриличностных и внутрисемейных (эндогенных) факторов — этноидентичность имеет большую возможность к передаче от поколения к поколению, а в случае превалирования внешних (экзогенных) факторов — меньшую. Другими словами, эндогенные факторы предполагают формирование этничности новых поколений в примордиалистской логике, а экзогенные — в конструктивистской или инструменталистской.

На вопрос *«Как Вы считаете, какие из нижеперечисленных факторов определяют национальность человека?»* респондентам были предложены пять различных вариантов ответа (происхождение, место жительства, гражданство, воспитание, окружающие люди). В данном случае мы относим происхождение и воспитание — к эндогенным факторам, а гражданство и окружающим людям — к экзогенным. Место жительства, на наш взгляд, можно трактовать и как экзогенный фактор (влияние внешнего окружения), и как эндогенный (влияние «почвы», историко-культурного наследия территории).

Как показали результаты опроса, представители русско-украинского населения имеют ярко выраженный баланс в пользу эндогенных факторов («происхождение» указали 70,2 %, «воспитание» — 49,0 %). Экзогенные факторы выбрали менее трети опрошенных («гражданство» — 29,4 %, «окружающие люди» — 23,6 %). «Место жительства» указали 50,4 %. Преобладание эндогенных факторов, скорее всего, обусловлено в целом консервативными представлениями о механизмах формирования и выражения этничности. Этот консерватизм иллюстрирует еще одна особенность восприятия самими биэтнорами своей множественной этничности. Среди них достаточно широко распространено мнение, что «официальная» национальность (в документах или переписи) может быть только одна, при этом это не мешает им самим иметь двойную идентичность, но проявляют и декларируют они ее только в относительно узком родственно-соседском круге. Для внешнего же мира они, как правило, «выбирают» одну, более социально комфортную этничность, в нашем случае в подавляющем большинстве русскую.

Эта некоторая смысловая алогичность неприятия частью самих биэтноров множественной этничности зафиксирована социологами и в других группах с двойной этничностью. Например, исследователи русско-чувашских биэтноров отмечают, что среди них 32 % считают, что у человека может быть только одна национальность. Ученые предполагают, что «для респондентов этой группы... такой единственной является сложная этническая идентичность» [Бойко и др., 2021, с. 108]. Среди русско-украинцев большинство в качестве такой «единственной сложной этничности», объединяю-

Русско-украинское население приграничных с Украиной территорий России...

щей в себе элементы русской и украинской идентичности, является идентичность, описываемая этнонимом «хохлы».

Последний вопрос-маркер, с помощью которого мы определяем уровень устойчивости русско-украинской идентичности части населения на приграничных с Украиной российских территориях — восприятие этим населением жителей по ту сторону госграницы (жителей Украины). Мы исходим из предположения, что в случае «транзитной» (временной) сущности этой идентичности должен наблюдаться постепенный «отход» от восприятия граждан соседней страны в качестве представителей той же этногруппы. В случае же сохранения ощущения неразрывной этнокультурной связи с жителями по ту сторону границы — вполне уместно считать сохранение элементов украинской идентичности явлением устойчивым, а значит, и в целом данное биэтническое сообщество можно считать отдельной этнокультурной единицей.

Результаты опроса показывают, что 61,4 % респондентов продолжают считать жителей соседних регионов Украины представителями того же народа, что и они сами. Еще 23,0 % указали, что жители Украины в большей степени украинцы — эта группа также считает жителей соседней страны своими соплеменниками, у которых, однако, в силу их гражданской принадлежности и страны проживания больше украинская компонента идентичности. Менее 10 % опрошенных выбрали варианты, позволяющие оценивать восприятие русско-украинским населением жителей соседнего государства как представителей другой этнической группы: 7,8 % выбрали вариант «они представители другого народа» и 1 % — предложили свой вариант — «они братский народ» (табл. 2).

Таким образом, двуэтническое население приграничных с Украиной территорий России в подавляющем большинстве воспринимает жителей Украины как представителей той же этнической группы, что и они сами. К аналогичному выводу приходит и Т.А. Листова, проводившая исследование в 2014 г.: «...местные жители (приграничных с Украиной районов Воронежской области. — В. Б.) по-прежнему и ощущают, и аргументируют свою не просто тождественность, а гомогенность с жителями сопредельных районов Украины» [2014, с. 138]. Отметим также, что мы проводили опрос летом 2018 г., спустя четыре года после полевых исследований Т.А. Листовой, но события конфронтационного характера, которые произошли за этот период между двумя странами, почти не отразились на восприятии биэтническими россиянами жителей соседних областей Украины.

Таблица 2

Ответы респондентов с русско-украинской идентичностью на приграничных с Украиной территориях Белгородской области на вопрос «Как Вы воспринимаете жителей соседних регионов Украины?»

Table 2

Answers of respondents with Russian-Ukrainian identity in the territories of the Belgorod region bordering Ukraine with the question "How do you perceive the inhabitants of neighboring regions of Ukraine?"

Варианты ответов респондентов	Доля указавших, %
Они представители того же народа, что и я	61,4
Они больше украинцы, чем я	23,0
Они представители другого народа	7,8
Иное: они братский народ	1,0
Затрудняюсь ответить	6,8
Всего	100,0

Выводы

Процессы изменения этнической самоидентификации населения в регионах российско-украинского пограничья продолжались в течение всего XX в., не закончились они и в текущем столетии, несмотря на то что переписи населения фиксируют количественное доминирование русских по национальности. Статистика переписей, до настоящего времени фиксировавшая лишь моноидентичности, не позволяет проследить реальное присутствие тех или иных этнических в самосознании жителей. Нередки примеры того, как одни и те же люди от переписи к переписи меняли свою «официальную» национальность, демонстрируя инструментальность этнического самосознания. Иначе говоря, жители, особенно имеющие сложное этническое происхождение, «выбирают» ту или иную национальность в зависимости от общественно-политической ситуации.

Результаты социологических исследований показывают, что при возможности указания нескольких этноидентичностей² значительная часть местного населения декларирует принадлежность и к русским, и к украинцам. Так, в Белгородской области в целом русско-украинскую биэтничность указали в анкетах 16 % респондентов, а в приграничных муниципалитетах это число составляет 23 %, достигая в некоторых районах половины населения.

Из шести предложенных нами критериев оценки уровня устойчивости (перманентности) двойной русско-украинской идентичности части населения приграничных с Украиной российских территорий пять по результатам социологического исследования свидетельствуют в пользу того, что данная группа является отдельной этнокультурной единицей, а не переходной группой в процессе ассимиляции (табл. 3). На наш взгляд, некорректно называть эту группу субэтнсом, поскольку субэтнсами, как правило, считают этнокультурные сообщества в составе более крупных этногрупп (например, поморы в составе русских, бойки в составе украинцев и т.д.). Однако русско-украинская этнокультурная группа возникла «на стыке» двух крупных этносов и не может быть отнесена в полной мере ни к русским, ни к украинцам.

Население с русско-украинской идентичностью состоит в основном из автохтонов и имеет сбалансированную возрастную структуру, что свидетельствует о потенциале ее естественного воспроизводства. Биэтничные респонденты, как правило, приобрели эту идентичность не вследствие ассимиляции, а благодаря своему «смешанному» происхождению (предки разных национальностей), они заявляют о приоритете эндогенных (внутриличностных и внутрисемейных) факторов формирования этничности, воспринимают жителей по ту сторону границы как представителей той же этногруппы, что и они сами (табл. 3).

Таблица 3

Критерии оценки устойчивости двойной русско-украинской идентичности у жителей приграничных с Украиной российских территорий (полужирным шрифтом выделены критерии, подтвержденные результатами социологического исследования)

Table 3

Criteria for assessing the stability of the dual Russian-Ukrainian identity among residents of the Russian territories bordering Ukraine (the criteria confirmed by the results of a sociological study are marked in font)

	Критерии, свидетельствующие об устойчивости этноидентичности, сохранении в качестве этнокультурной группы	Критерии, свидетельствующие о «транзитной» сущности этноидентичности в процессе ассимиляции
Уровень «автохтонности»	Преобладают автохтоны	Преобладают мигранты
Возрастной состав	Возрастная структура сбалансирована	Дисбаланс возрастной структуры в пользу пожилых
Этнический генезис	Преобладают лица смешанного происхождения	Преобладают лица украинского происхождения
Самооценка будущего этносообщества	Идентичность будет наследована следующими поколениями	Следующие поколения будут считать себя русскими
Самооценка факторов, влияющих на этноидентичность	Преобладают эндогенные факторы формирования этничности (происхождение, воспитание)	Преобладают экзогенные факторы формирования этничности (окружающие люди, гражданство)
Восприятие жителей по ту сторону границы (Украины)	Жители Украины представители того же народа	Жители Украины представители другого народа

Единственным (хотя и безусловно важным) показателем того, что данная группа населения скорее представляет собой переходный этап в транзите от идентичности двойной (русско-украинской) к моноэтничной (русской) является то, что в ходе опроса большинство наших респондентов предположило, что их потомки будут идентифицировать себя русскими, т.е., по их мнению, вряд ли эта идентичность будет наследована следующими поколениями.

Нельзя не отметить и снижение роли этнической идентичности в самосознании населения приграничных регионов как таковой. Как пишет Т.А. Листова, «в последние десятилетия местная культура в украинских селах (не говоря уже о городах. — В. Б.) активно замещается унифицированным вариантом городской культуры, что воспринимается как вхождение в общерусское пространство» [2014, с. 133]. В итоге: «Процесс постепенной утери украинского этнического самосознания с четким вектором обрусения своим итогом имеет не только смену идентичности, но и, нередко, потерю таковой» [Листова, 2014, с. 133].

² В анкетах для понимания рядовыми жителями был использован термин «национальность».

Этническая идентичность в российских регионах, граничащих с Украиной, по данным социологических исследований, занимает в самосознании жителей как правило периферийное место. Так, по данным опроса 2017 г., в Белгородской области этническую (национальную) идентичность в тройку наиболее важных для себя поставили лишь 22 % опрошенных, в то время как гражданскую (российскую) — 75 %, региональную — 50 %, локальную — 53 % [Бубликов, 2018, с. 619]. В это же время исследования Л.М. Дробижевой показывают, что в целом ряде российских регионов этническая идентичность занимает лидирующие позиции в иерархии идентичностей населения, часто даже опережая гражданскую [2017, с. 29].

Процессы «смешения» (прежде всего посредством этнически неоднородных браков) привели, с одной стороны, к формированию этнокультурной группы населения с двойной русско-украинской идентичностью, но, одновременно, этот процесс сопровождался определенной этносоциальной депривацией, выразившейся в ослаблении этнических чувств как таковых. Так, А.А. Гриценко считает, что на приграничных с Украиной российских территориях «смена идентичности не стерла этнокультурные маркеры, продолжающие воздействовать, но уже на идентичность региональную. Например, таким маркером является специфический говор «суржик»» [2014, с. 28].

То есть, произошла определенная интерференция элементов этнокультуры и самосознания из идентичности этнической в региональную. Последняя, как было показано выше, в приграничных с Украиной российских регионах весьма сильна, в том числе благодаря активной поддержке региональных властей (например, промоция в Белгородской области исторического региона *Слобожанщина*, далеко выходящего за границы области и включающего в том числе соседние украинские регионы — Харьковскую и Сумскую области).

В завершение следует подчеркнуть, что эмпирическим материалом для подготовки данной статьи стали исследования автора в Белгородской области, а также теоретические обобщения других ученых, изучавших русско-украинское население в приграничных с Украиной регионах России. Поэтому сделанные в статье выводы не следует проецировать на все биэтническое русско-украинское население России, так как ситуация в других, более отдаленных от Украины регионах России может существенно отличаться.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баринев С., Гриценко А., Самсонова А.* Образ Украины и особенности местной идентичности населения русско-украинского пограничья // Региональные исследования. 2009. № 3. С. 22–28.
- Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии. 2021. № 1. С. 104–120.
- Бубликов В.В.* Идентичность жителей Белгородской области в новых геополитических условиях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 4. С. 617–632.
- Гибкие этничности: Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы / Под ред. С. Пекка, О. Давыдова-Менге.* СПб.: Нестор-История, 2017. 296 с.
- Гриценко А.А.* Региональные идентичности у западных границ России: История, политика, позиционные факторы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 5. С. 20–32.
- Дробижева Л.М.* Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.
- Листова Т.А.* Воронежские украинцы — русские хохлы // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 116–139.
- Листова Т.А.* Была ли смена идентичности? // ЭО. 2016. № 6. С. 82–85.
- Митрофанова И.В., Суций С.Я.* Русские на Украине: Геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58.
- Мухаметзянова А.Р.* Гибридные этнокультурные идентичности молодежи из межэтнических семей // Этнологические исследования в Татарстане / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой и др. Казань: Изд-во «ЯЗ»: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 266–272.
- Проскураина Н.В.* Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. 2017. № 4. С. 95–99.
- Сикевич З.В., Поссель Ю.А.* Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей: (Сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 121–136.
- Степанов В.В.* Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 62–88.

Бубликов В.В.

Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.

Суций С.Я. История, современность и перспективы украинцев юга России: Демографорасселенческий аспект // Народонаселение. 2017. № 3. С. 63–74.

Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой: (Пример Дагестана) // ЭО. 2007. № 5. С. 96–115.

Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга западной Сибири в 1980-е — первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // ЭО. 1999. № 5. С. 109–128.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. 251 с.

ИСТОЧНИКИ

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. III: Центрально-черноземный район. Средне-волжский район. Нижне-волжский район. М., 1928.

Курске В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): Дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.

Штейн Е.Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 12.07.2020).

Bublikov V.V.

Belgorod State University
Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: v.bublikov@mail.ru

Russian-Ukrainian population of the Russian territories bordering with Ukraine: ethnocultural or transition group?

One of the new directions in ethnosociology is the study of population groups with multiple (often double) ethnic identities, which are growing quantitatively due to the spread of ethnically «mixed» marriages, migrations, etc. Among such “hybrid” ethnic groups, residents with Russian-Ukrainian identity are one of the largest bi-ethnic communities in Russia. In particular, in the Russian regions bordering with Ukraine, residents with dual Russian-Ukrainian identity make up a significant proportion of the population. Accordingly, the studies of 2017–2018 show that in Belgorod region 16 % of residents have Russian-Ukrainian ethnic identities, whereas it is 23 % in the border municipalities. In this paper, the genesis and reproduction potential of a bi-ethnic Russian-Ukrainian population group at the Russian-Ukrainian borderland is discussed. The first part of the paper comprises an overview of the studies of multiethnic groups, including the Russian-Ukrainian population. The second part is based on empirical ethnosociological research conducted by the author and is devoted to finding the answer to the question: “Is the population with the double Russian-Ukrainian identity an independent, permanently existing ethnocultural community or a transitional group that temporarily emerged in the process of assimilation of the Ukrainians in Russia?”. Sociological data indicate that this group of population should be considered as a separate, permanently existing ethno-cultural community, and not a temporary, transitional group in the process of assimilation of the Ukrainians in Russia. In favor of the former speaks the fact that the population with the double Russian-Ukrainian identity consists mainly of autochthonous people, with a balanced age composition, who inherited bi-ethnicity by their “mixed” origin, rather than by assimilation. In the respondents in this group, endogenous factors of the formation of ethnic identity are dominant; they feel an inextricable ethnic connection with the population of the neighboring Ukrainian regions. At the same time, members of the Russian-Ukrainian ethnocultural group are predominantly pessimistic about possibility of inheriting their double identity by future generations.

Keywords: bi-ethnicity, multiple ethnic identities, Russian-Ukrainian population, Russians, Ukrainians, border regions.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00676.

REFERENCES

Barinov, S., Gritsenko, A., Samsonova, A. (2009). Image of Ukraine and some special features of spatial identity by the population of the Russian-Ukrainian border area. *Regional'nye issledovaniia*, (3), 22-28. (Rus.).

Boyko, I.I., Dolgova, A.P., Kharitonova, V.G. (2021). On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia. *Vestnik antropologii*, (1), 104–120. (Rus.).

Bublikov, V.V. (2018). Identity of the Belgorod region residents in new geopolitical conditions. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, (4), 617–632. (Rus.).

- Chizhikova, L.N. (1988). *Russian-Ukrainian borderlands: The history and the fate of traditional household culture*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Drobizheva, L.M. (2017). All-Russian identity and interethnic accord as a reflection of the consolidation processes in Russian society. *Sociologicheskie issledovaniya*, (1), 26–36. (Rus.).
- Funk, D.A. (1999). Formation of new ethnic identity in Turks of the South of Western Siberia in the 1980s — the first half of the 1990s (on the example of Bachat Teleuts). *Etnograficheskoe obozrenie*, (5), 109–128. (Rus.).
- Gritsenko, A.A. (2014). Regional identities along the west borders of Russia: The role of history, politics and positional backgrounds. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra UrO RAN*, (5), 20–32. (Rus.).
- Listova, T.A. (2014). Voronezh Ukrainians — Russian Khokhols. *Vestnik antropologii*, (2), 116–139. (Rus.).
- Listova, T.A. (2016). Was there a change of Identity. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 82–85. (Rus.).
- Mitrofanova, I.V., Sushchii, S.Ya. (2017). The Russians in Ukraine: Geodemographic results of the post soviet period and middle term prospects. *Sociologicheskie issledovaniya*, (8), 45–58. (Rus.).
- Muhametzjanova, A.R. (2011). Hybrid Ethnocultural Identities of Interethnic Youths. In: G.F. Gabdrahmanova (Ed.). *Jetnologicheskie issledovanija v Tatarstane*. Kazan: Izd-vo «YAZ»: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 266–272. (Rus.).
- Pekka, S., Davydova-Menge, O. (Ed.). (2017). *Flexible ethnicity: ethnic processes in Petrozavodsk and Karelia in the 2010-s*. Moscow: Nestor-History. (Rus.).
- Proskurina, N.V. (2017). Russian-Ukrainian symbiosis on the territory of the Voronezh region. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geografiya. Geoekologiya*, (4), 95–99. (Rus.).
- Sikevich, Z.V., Possel, Y.A. (2019). The Structure and Typology of the Ethnic Identity of Members of Inter-ethnic and Mono-Ethnic Families: (A Comparative Analysis). *Sotsiologicheskii zhurnal*, (1), 121–136. (Rus.).
- Stepanov, V.V. (2018). Ethnocultural diversity of Russia and the possibilities of statistical measurements. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (Eds.). *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 62–88. (Rus.).
- Stepanov, V.V. (2019). Measuring Russia's Cultural Diversity. In: Martynova M.U., Stepanov V.V. (Eds.). *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situaciya, perepisi, polevaya etnostatistika*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 140–154. (Rus.).
- Sushchii, S.Ya. (2017). The history, the present and the prospects for the Ukrainians of Southern Russia: Demographic settlement aspect. *Narodonaselenie*, (3), 63–74. (Rus.).
- Tishkov, V.A., Kisriev, E.F. (2007). Multiple Identities between Theory and Politics: (the Case of Dagestan). *Etnograficheskoe obozrenie*, (5), 96–115. (Rus.).

Бубликов В.В., <https://orcid.org/0000-0001-5899-1028>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021